

*Лине, без которой не было бы этой книги,
и Андрею, который пытался спасти Гройса*

ГЛАВА 1

Утром седьмого июня Михаил Гройс, профессиональный мошенник, вышел из квартиры на Новопесчаной улице и отправился в ближайший сквер. Как позже удалось выяснить, он провел там около часа, бродя по дорожкам в тени кленов и лип.

В полдень Гройс обычно пил кофе в маленькой кофейне неподалеку.

В два часа у него была назначена встреча.

В шесть к Гройсу должен был прийти массажист.

Михаил Степанович был человеком привычки.

Его видели в сквере — он побеседовал с соседкой, выгуливавшей лабрадора. Затем, если верить записям с камер наблюдения, прошел своим обычным маршрутом мимо салона свадебных платьев и продуктового магазина. Однако в кофейне так и не появился. Где-то на полпути Гройс бесследно исчез.

.....

—Его нигде нет! — Моня Верман выглядел не столько взволнованным, сколько испуганным. — Мы все проверили.

— Морги — раз, — вступил Сема Дворкин, загибая пальцы. — Больницы — два. Его бывших женщин — три.

— И много у него женщин? — не удержался Сергей.

— Побольше чем у тебя. Гройс производит на дам чарующее впечатление.

Надо же, подумал Сергей, чарующее. Семьдесят четыре года чаровнику. Наверняка по именам путает своих пассий.

— У Миши выдающиеся мозги, — сказал Дворкин, словно прочитав его мысли.

— Ум ясный, как бриллиант, — подтвердил Верман. — К тому же он в отличной форме. Посмотри на нас! У меня одышка, у Дворкина суставы. А Гройс даже не знает адреса аптек, чтоб им и дальше не встречаться!

— Но три дня уже прошло!

— И никаких вестей.

Ювелиры замолчали и скорбно уставились на Бабкина с Илюшиным.

Все четверо сидели в магазине Вермана и Дворкина. Маленький Верман теребил пуговицу жилета, едва сходявшегося на выпирающем животе. Дворкин беспокойно потирал пальцы. При несомненном внешнем сходстве — оба круглые, низенькие, с мясистыми носами и блестящими лысинами в обрамлении курчавых волос — ювелиры производили на удивление несходное впечатление. Моня Верман был живчик и холерик. Сема — меланхолик с мягкой извиняющейся улыбкой на губах. Первый утверждал себя в пространстве, занимая места больше, чем было выделено ему природой: носил широкополые шляпы, задирали ноги на стол и издавал столько шума, что люди непроизвольно отодвигались подальше. Второй сутулился, ежился, как будто заранее признавая, что рядом всегда есть нечто

более важное, чем он сам, и всем диванам предпочитал стул в углу.

— В полицию обратились? — спросил Илюшин.

— Сразу же.

— Заявление приняли?

Ювелиры кивнули.

— Но я же читаю по их лицам, словно это процентные векселя, — мрачно сказал Верман. — На них написано: у вас пропал старичок, очень жаль, но у всех время от времени пропадают старички. Выходят из квартир, забывают куда шли, не помнят собственных имен...

— Это все не про Гройса, — покачал головой Сема.

— Ха! Да если бы это было про Гройса, мы бы никогда...

Моня Верман оборвал фразу на полуслове. Илюшин поймал быстрый взгляд, которым обменялись ювелиры.

— Мы бы никогда...

— Мы бы никогда не подружились, — после паузы закончил Дворкин.

— Он приехал полгода назад, — сказал Верман. — Оставил свою гостиницу на попечение дальней родственницы и решил какое-то время пожить в Москве. Чем он занимался? Чем может заниматься тихий интеллигентный старик! Утренний моцион, обед в ресторанчике, вечер в прекрасной компании, да, я имею в виду нас, и пусть Дворкин кинет камень в того, кто скажет, что это не так. Раскидывали картишки, травили байки... Безмятежные пенсионерские радости! Нет, мы-то не пенсионеры, но Миша Гройс — давно уже да, и между нами, это большое счастье для многих, что он уже тысячу лет как отошел от дел. Миша делал людей умнее, однако тут есть тонкая связь: отчего-то люди умнеют, когда денег у них в кошельке становится меньше, потому и говорят, что многие знания — мно-

гие печали. Что еще он делал? Читал. Пару раз навещался к стоматологам, чисто чтобы похвастаться. И вдруг пропал.

Мог ли он взять билет на самолет и улететь в теплую цивилизованную страну? Да, этого нельзя исключать. Но очень странно, что он не предупредил своих друзей, поэтому им с Дворкиным кажется, что все обстоит гораздо, гораздо хуже.

Макар Илюшин и Сергей Бабкин переглянулись.

Дело, по всем признакам, было как раз для них. Много лет они занимались розыском пропавших людей. Положа руку на сердце, с учетом возраста Гройса, следовало ожидать, что расследование будет недолгим.

И все-таки Илюшина что-то смуцало.

— Значит, Михаил Степанович приехал в Москву чуть больше полугода назад, — задумчиво сказал он.

— Чуть больше, — согласился Моня.

— Во вторник вы планировали сыграть с ним в преферанс.

— В преферанс, — эхом откликнулся Моня.

— Он возобновил общение, поскольку вас связывают теплые воспоминания.

— Воспоминания... — вздохнул Моня.

— О том, как вы облапошили Хрящевского на сто пятьдесят миллионов, — не меняя интонации, сказал Макар.

Верман так и подпрыгнул.

— Это была самозащита!

— Или на сто восемьдесят?

— Хрящевский был бандит! Он убил бы нас!

— Хотя я не удивился бы и двумстам¹.

— Дворкин, да скажите же ему!

¹ Макар вспоминает дело, описанное в книге «Алмазный эндшпиль».

Сема потер нос.

— Видите ли, Макар... — начал он.

— Я вижу, что вы оба что-то утаиваете, — перебил Илюшин. — Хотите, чтобы мы начали искать вашего Гройса? Я не против. Но тогда рассказывайте все. А благостную историю о пожилом джентльмене, скромно проводящем время за преферансом с друзьями, оставьте полиции.

Сергей Бабкин, который невозмутимо перекачивал во рту зубочистку, выплюнул ее и поднялся со стула.

— Макар, все это можно сформулировать куда короче.

Он оперся ладонями о стол и мрачно осведомился, обращаясь к Моне:

— Во что вы опять влезли?

Тот издал было протестующий возглас. Но Дворкин махнул рукой:

— Расскажите им, Верман.

Моня вздохнул и рассказал.

Идея принадлежала Гройсу. Старая добрая афера с бриллиантами — что может быть респектабельнее? На выставке драгоценностей появлялся представительный пожилой господин в слегка старомодном костюме. Старомодность внушает доверие.

— Самым сложным оказалось собрать предварительную информацию, — сказал Верман. — Нам требовалась правильная выставка.

— Правильная выставка — это та, на которую попадают правильные люди, — тихо добавил Сема.

— Толстосумы? — спросил Сергей.

— Лучше, значительно лучше! Их жены.

Выставки драгоценных камней бывают разные. Те, на которые можно попасть, заплатив за входной билет

двести рублей, троим мошенникам не подходили. Не годились даже те, где билет стоил пятьсот. Они ждали мероприятий, объявления о которых не вешаются на столбах и не появляются в прессе. Туда приходят те, кого организаторы называют «избранным кругом», и этот круг не платит за вход.

— Пригласительный Гройсу получить не удалось, — сказал Верман.

— Пришлось нарисовать, — вздохнул Дворкин.

...Старый джентльмен в костюме-тройке и при золотых часах, цепочка которых свисает из кармана, неспешно бродит по выставке. Время от времени он достаёт складную ювелирную лупу и склоняется над заинтересовавшим его камнем. Иногда обменивается приветствием с кем-нибудь из гостей, так что у наблюдателя создается впечатление, что он знаком минимум с дюжиной из присутствующих. Одышливому толстяку джентльмен воодушевленно жмет руку и спрашивает о делах. Бедняга расстается с ним в полной уверенности, что память ни к черту — он не в силах, как ни пытается, вспомнить этого благообразного господина.

Но Гройс здесь не из-за него. Его улов ходит рядом, шуршит юбками, вздыхает над ожерельями и браслетами, сверкающими под грамотно поставленным светом.

Бриллианты рассыпают снежные искры. Изумруды холодны и прекрасны, как вечность. Розовый сапфир нежнее лепестка шиповника, синий ярче волны.

Хороший драгоценный камень поет, и это пение сирены. Смотри на него, дыши им, впитывай его цвет, впадай в безумство.

Легкая утрата критичности восприятия — как раз то, что нужно старику, кивающему тебе с мягкой улыбкой.

Если бы Михаил Гройс родился волком, в подведомственном ему лесу были бы самые здоровые лоси на всю округу. Добычу он определял с безошибочностью матерого хищника.

Завести будто бы случайный разговор — дело одной минуты. И вот Михаил Степанович уже рассказывает новой знакомой, что он здесь, собственно, по работе. В чем она заключается? Он инвестирует в драгоценные камни.

— Гройс работал виртуозно, — сказал Верман. — Я сам торгую сорок лет и знаю, как продать курицу женщине, которая пришла за десятком яиц.

— Курицу, козу, сенокосилку и девять соток под Воронежем, — буркнул Дворкин.

— Но Миша Гройс давал им больше. Я продавал курицу. А он — райскую птицу.

— А если без метафор? — спросил Макар.

Без метафор дело выглядело так: познакомившись с жертвой и произведя на нее благоприятное впечатление, Гройс рассказывал, что у него имеются бриллианты исключительного качества по невысокой цене. «Ничего подобного нельзя встретить сейчас в России. Поверьте, я знаю, о чем говорю». Откуда они? О, один его хороший друг владеет собственным месторождением — в Ботсване, а это для понимающих о многом говорит.

Женщина послушно кивала — ей хотелось выглядеть понимающей.

«Сейчас мне нужно аккумулировать средства для одной крупной покупки — не могу разглашать подробностей. Я распродаю свой запас. Вы же понимаете, вот-вот грянет кризис...»

Это был первый точный удар. При слове «кризис» жертва вздрагивала и испуганно вглядывалась в Гройса.

«Вопрос только во времени, — пожимал плечами старик. — Год, два... Я сам живу не в России, у меня чисто деловой визит в Москву. Но людей, у которых здесь семья, родители, бизнес... Мне их искренне жаль. Хорошо тем, у кого есть, скажем, бриллианты. Деньги превратятся в бумагу. А камни всегда в цене».

Это было второе попадание. Память подсказывала жертве, что старик прав: и мать, и бабушка хранили в шкатулке несколько колец, которые передавались по наследству. Их почти никогда не надевали. Предназначение этих вещей заключалось не в том, чтобы украшать, а в том, чтобы, когда придет страшное время, обратить их в настоящие ценности, сохраняющие жизнь: еду, одежду, лекарства.

«Не желаете выпить чашечку кофе? — предлагал Гройс. — Неподалеку варят отличный эспрессо».

И в уютном ресторане, где с ним уважительно, как с завсегдагаем, здоровались официанты, он продолжал лить свой вкрадчивый яд.

Первый этап общий для всех — испугать и показать путь спасения.

На втором начиналась тонкая индивидуальная работа.

Номер один: чуть больше сорока, невысокая, толстая, с полным отсутствием косметики на отеком лице. Речь быстрая, хорошо интонированная. Одета подчеркнуто небрежно. Экспрессивна и настойчива.

«Представьте, как будет поражена ваша семья, когда узнает, что вы — обладательница приличного состояния. Интуиция мне подсказывает, что они ценят вас недостаточно. В вас чувствуется деловая хватка.

Вы умны, сообразительны, отлично понимаете, где ваша выгода. Что? Домохозяйка? Не смешите, моя дорогая. Мы беседуем больше часа, и поверьте, вы дадите фору большинству мужчин в умении задавать правильные вопросы».

Номер два: лет тридцать пять, худощава, бледна. Речь медленная и неуверенная. Одета настолько безупречно, что это выдает плохой вкус.

«Когда придет кризис и бизнес вашего мужа окажется под угрозой, кто сможет спасти его? Представьте: он думает, что разорен, его дело уничтожено. И вдруг появляется вы и выкладываете перед ним на стол один чистейший бриллиант за другим. Тогда он поймет, что настоящая драгоценность — это женщина, на которой он женат. Простите, чем вы занимаетесь в свободное время? Садам? Да, в ваших руках все должно расцветать. Вы несете жизнь, несете спасение всему живому».

Номер три: около двадцати восьми, очень красива, самоуверенна. Одета эффектно, на пальцах дорогие кольца, сделанные явно на заказ.

«О нет, моя дорогая, с вами у меня не может быть никаких дел! Муж запретит вам такие серьезные траты».

— Они купили у него отличные бриллианты по смешной цене, — сказал Верман. — Такой смешной, что я плакал, когда продавал им свои камни.

— Подождите-подождите, — Сергей протестующе вскинул руку. — Вы отдали Гройсу свои бриллианты, он всучил их богатым скучающим дамочкам... В чем профит?

— Не просто всучил. Миша предупредил, что возьмет камни обратно, если у покупательницы возникнут

какие-то сомнения. Он был с ними любезнее, чем мой дядя Лева с кредиторами. «Я не хочу, чтобы вы пожалели о принятом решении!» В торговле и при знакомстве с женщинами первое впечатление — самое важное. Они должны были ему доверять. И он этого добился.

— Камни были чистейшие, — вступил Дворкин. — Сертификат МГУ, все честно. Гройс посоветовал клиенткам проверить покупку у независимого геммолога. Тот все подтвердил.

— То есть вы на этой сделке потеряли?

— Больше, чем юноша теряет иллюзий в браке.

— И кто-нибудь вернул бриллианты? — спросил Макар.

— Одна робкая лань передумала. Миша немедленно отдал ей деньги. Что она сделала после этого, знаете?

Макар рассмеялся:

— Купила их обратно.

— Ты понимаешь за женское сердце, — кивнул Верман. — Она убедилась, что здесь ее не обманут. И захотела вдвое больше, чем в первый раз. Женщины всегда так поступают.

— Конечно, Гройс продавал не бриллианты, — помолчал, сказал Дворкин. — Одна купила у него мечту о собственной значимости. Вторая приобрела ощущение, что она умнее своего супруга. Третья — упоительное чувство настоящей большой тайны. Четвертой оказалось достаточно намекнуть, что муж не позволит ей совершить такую сделку, и она вцепилась в камни из одного только чувства протеста.

— Признаюсь, в какой-то момент я подумал, что мы рассчитали неправильно, — сказал Верман. — Что на этом все закончится. Довольные тетки усядутся на наших камешках, как курицы на яйцах. Но Миша оказался умнее меня.

— Прозорливее, — поправил Сема. — Он знал, что будет дальше.

Счастливая женщина болтлива. Она не в силах держать радость в себе. Ни одна из жертв Гройса не поделилась с мужем — на это и был расчет, — но каждая рассказала подругам о старике, продающем бриллианты высшего качества.

— Пирамида! — Сергей наконец понял, что задумали Гройс сотоварищи.

— Тетушки понесли нам деньги, — грустно сказал Моня. — Они получали камни, может быть, не такие хорошие, как первые...

— Совсем никудышные? — прямо спросил Илюшин.

Верман попытался юлить, но вынужден был признать, что камни были паршивые.

— Брак, — вздохнул Сема.

— Хлам, — подтвердил Моня.

— А если бы их проверили у геммолога?

— Непременно проверили бы, — согласился Верман. — Поэтому Миша провернул всю операцию махом. Одна встреча — и все расходятся довольные.

— Сколько их было? — спросил Илюшин. — Кинутых?

Моня молчал.

— Трое? Пятеро?

— Двадцать две, — выдавил Верман.

Бабкин крикнул.

— Средняя сумма покупки?

— Да немного, — жалобно пробормотал Моня.

— Сколько?

— Ну, пара миллионов... Может, три...

— Кто-то и на пять набрал, — подал голос Дворкин. — После этого Гройс должен был просто исчезнуть.

— Он и исчез, — подытожил Илюшин. — Вы собирались поделить деньги во вторник, так? М-да, эту историю вы в полиции не расскажете...

Илюшин посмотрел на помрачневших ювелиров. Он прекрасно понимал, что обоих терзает одно подозрение: что, если Гройс решил попросту сбежать, не желав делиться?

— Не поступил бы он так, — пробормотал Дворкин. — Миша — человек исключительной честности!

Сергей Бабкин все еще продолжал смеяться, когда за детективами закрылась дверь ювелирного магазина.

— Ха-ха! Исключительной честности!

— Ты же понимаешь, что он имеет в виду.

— Понимаю. Все равно звучит сказочно.

Они свернули в безлюдный двор, где только худая кошка грелась на подоконнике первого этажа над вечной надписью «Лена — дура». В каждом дворе живет такая Лена, никуда не деться от нее, глупой, вредной и хорошенькой, как ангорский хомячок. Может быть, подумал Макар, она и не существует сама по себе, может быть, ее вызывают к жизни эти надписи. Наступает день, когда патриархи двора, сажавшие сто лет назад в окрестную землю черенки тополей, собираются вместе и молча решают, что умных вокруг стало слишком много. Баланс сил вот-вот будет нарушен, и приведет это к катастрофам, а то и еще хуже — реновациям. Чтобы не случилось беды, один из них достает нестираемый мел и выводит на стене куриным почерком заветные слова: «Лена — дура». Разместить заклинание на самом видном месте, и никто не догадается, что это магия.

И вот уже все возвращается на круги своя: дом стоит, свет горит, дети играют в мяч, соседка с пятого сушит свои трусы над клумбой с бархатцами и гоняет алкаша Леху, чтобы не курил на лестничной клетке, тополя роняют пух, кошка греется на подоконнике.

— О чем задумался? — спросил Сергей.

— О вечных вещах, — помолчав, сказал Илюшин. — О том, почему они не исчезают, хотя должны бы.

Бабкин достал сигареты. Он давно бросил курить и носил с собой пачку лишь для того, чтобы удобнее было разговорить свидетелей. Но день сегодня выдался солнечный, с мягким теплым ветром, — такой день, когда единственное, чего не хватает, чтобы сделать его совсем славным — это вовремя выкуренной сигареты. И двор вокруг был правильный, как с картин советских реалистов. Даже маленький ржавый «запорожец» приткнулся в углу, бог знает отчего не увезенный отсюда хищными эвакуаторами.

— Ты встречался с Гройсом. — Макар смахнул со скамьи тополиный пух и сел. — Каким он тебе казался?

— Хитрый старый лис.

— Мог кинуть своих?

Бабкин повертел зажигалку.

— Вряд ли. Сумма не та. Для старикана подобная афера — просто развлечение. Приработок к пенсии.

— К тому же гостиницу на побережье он передал то ли внучке, то ли племяннице...

— Может быть, с новыми владельцами дело нечисто? Об этом тебе лучше спросить у Вермана.

— Спрошу. Плохо, что они врут на каждом шагу.

Из подъезда вышел старик с черным мопсом. Мопс покосился на кошку. Старик покосился на сыщиков.

— Выходит, Моня с Дворкиным поучаствовали в деле бриллиантами, а Гройс взял на себя основную работу, — задумчиво сказал Макар.

Приличного вида джентльмен, инвестирующий в драгоценные камни, появлялся из ниоткуда и растворялся в тот самый момент, когда все были уверены, что серьезные сделки только начинаются.

— Проверить бриллиант — дело пары часов. — Сергей с удовольствием затянулся и выпустил дым. — Если кто-то из теток понял, что ее обманули, и кинулся к мужу...

— То у нас двадцать два потенциальных подозреваемых в похищении Гройса.

— Зачем похищать? Может, убили и прикопали?

— Не знаю, просто версия. Ладно, давай работать. Ты проверяешь камеры и свидетелей, я попробую для начала выбить из Вермана фамилии облапошенных баб.

— Думаешь, Верман знает?

— Надеюсь, Гройс называл хоть какие-то имена. Иначе у нас уравнение с двадцатью двумя неизвестными.

ГЛАВА 2

Сознание возвращалось так: сначала слух. Как будто сквозь сон кто-то настойчиво позвал его: вставай, пора!

Затем зрение. Перед ним забрезжило белое, с редкими вкраплениями синевы. Гройс решил бы, что видит облачное небо, если б изображение не было так бесспорно лишено объема.

Он сфокусировал взгляд и обнаружил, что смотрит на стену. Стена была оклеена светлыми обоями с васильками.

Итак, перед ним стена, слева тоже стена, а его тело, переодетое в пижаму, покоится на широкой кровати.

Больница?

Но Гройс уже знал, что нет. Обоняние возвратилось последним, зато одним махом, точно сдернули с носа прищепку. Повеяло сладковатым химическим ароматом, похожим на земляничный, куриным бульоном и почему-то псиной. Однако в этом странном аккорде не прозвучало и ноты больничного запаха.

Старик застонал и попробовал перевернуться. Что-то звякнуло, и он сразу понял, что это.

Наручники. Его приковали к постели.